

еще пускай пани достанет чистый носовой платок; да когда будет давать платок, то пускай помнет его в руках, чтоб носа не поцарапать...»

Рассказывая своему собеседнику о поездке в Киев, пан Гаркуша зовет в комнату слугу, свидетеля этой поездки. Слуга является на зов, и пан Гаркуша продолжает свой рассказ: «Вот он там был, не дасть збрехать. Пошел вон, дурак!...»

Самым подробнейшим образом излагает пан Гаркуша собеседнику способ приготовления жареных маслин с капустой и вьюнами. «И это надо есть,—продолжает помещик-гурман,—со свежешю ситницею. А у меня ситницы пекут славно. Явдоха Паламаривна у меня печет. Мальчик! Позвать Явдоху Паламаривну!» Мальчик бежит на другой конец деревни и приводит пекарку.

— Ведь ты печешь у меня ситницы?

— Я, паночку!

— Да, вот она печет у меня ситницы. Пошла вон, дура!³¹

В устных рассказах Шевченко осязаемо проступает гоголевский способ изображать «пошлость пошлого человека», гоголевская манера речевой характеристики героя. Идя от Гоголя, Шевченко заостряет социальную характеристику выведенного им типа, стремится обнажить крепостническую сущность его взглядов, вкусов, привычек.

Связь с гоголевской традицией ярко выражена и в русских повестях Шевченко, написанных по воспоминаниям молодости, особенно в таких из них, как «Близнецы», «Варнак» и «Прогулка с удовольствием и не без морали». Обращаясь к традициям Гоголя и развивая принципы его реализма, изображает Шевченко паразитическую жизнь украинского дворянства. В духе лирических отступлений «Мертвых душ» — гоголевского «пафоса субъективности» — выступает в повестях Шевченко сам автор («Наймичка», «Варнак» и др.).

В последние годы жизни Шевченко особенно часто обращался к сатире и много размышлял над вопросом о том, какой должна быть «благородная, изящная и меткая сатира». Записывая свои мысли по этому поводу в «Дневнике» от 26 июня 1857 г., Шевченко в качестве образцов подобной сатиры называет «Жениха» Федотова, «Свои люди сочтемся» Островского и «Ревизора» Гоголя.

Автор «Кобзаря» хорошо понимал, что Гоголь является главой реалистического направления в русской литературе. Ознакомившись осенью 1857 г. с «Губернскими очерками» Салтыкова-Шедрина, Шевченко записал в «Дневнике»: «О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какую радостию возрадовалася бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную опаскуженную чернь! за этого поруганного, бессловесного смерда!» (V, 125—126).

Великий украинский поэт выразил в этих словах глубокое понимание значения Гоголя не только для развития литературы, но и для дела освободительной борьбы.

На протяжении всей литературной деятельности Шевченко одним из его любимых поэтов был Лермонтов. 20 декабря 1847 г. Шевченко писал из ссылки В. М. Лазаревскому: «Пришлите ради поэзии святой Лермонтова хоть один том; большую-пребольшую радость пришлете с ним»³². Эту же просьбу повторил поэт и в своем письме к А. И. Лизогубу от 1 февраля 1848 г.³³ Среди отобранных у поэта книг во время ареста в Оренбурге (1850) были две книги Лермонтова. В комнате Шевченко в день его смерти, согласно сообщению художника М. Микешина, лежали на столе сочинения Лермонтова.

³¹ Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, фонд 234 (архив П. А. Плетнева), оп. 3, № 357, письмо П. Кулиша к Плетневу от 29 декабря 1846 г.

³² Т. Шевченко, Листування, ДВУ, 1929, стр. 32.

³³ Там же, стр. 33.